

Сначала бросьте его в Тяньлао, подвергните пыткам и выясните его цели. Судя по всему, он действовал не спонтанно. Верно, раз его сын совершил чувственное преступление, то если этот человек не выложит всё до конца, его сына казнят прямо у него на глазах. Чао Чимин не верил, что кто-то посмеет покушаться на его жизнь, рискуя истреблением всего своего рода, а раз так, у этого человека непременно должны быть сообщники.

— Слушаюсь.

Ли Лянь приказал стражникам утащить распростёртого на полу человека. Уходя, он бросил взгляд на стоявшего на коленях Лань Сяочуаня. Царящий на полу кавардак был виден как на ладони, и Ли Лянь искренне не понимал, как будучи Теневым стражем можно было докатиться до такой степени некомпетентности.

Ли Лянь был знаком с Лань Сяочуанем — в конце концов, прислуживать Императору неотлучно мог только один Лань Сяочуань. Хотя другие Теневые стражи тоже защищали Императора, никто из них не приближался к нему так близко, как Лань Сяочуань, поэтому и во время этого покушения защитить Императора смог только он один.

Когда все удалились, Лань Сяочуань по-прежнему стоял на коленях, опустив голову и не смея шевельнуться.

— Понимаешь, в чём твоя ошибка? — низким голосом спросил Чао Чимин. Он стоял рядом с Теневым стражем и сверху вниз смотрел на него.

— Подчиненный осознал свою вину и впредь больше не посмеет крушить вещи Императора, — искренне произнес Лань Сяочуань. — Умоляю Императора проявить милосердие.

Он тяжело стукнулся лбом о пол. Настоящий мужчина должен уметь и сгибаться, и разгибаться, а Лань Сяочуань вовсе не собирался шутить с собственной головой, поэтому ему нужно было изо всех сил стараться держаться за ноги тирана.

Для Императора приговорить кого-то к смертной смерти — сущий пустяк; ради получения информации он даже может приказать казнить сына военачальника Гуаня прямо у того на глазах.

Военачальнику Гуаню было под пятьдесят, и по логике вещей он уже утратил способность к продолжению рода, так что сын оставался его единственной надеждой и опорой. То, что Чао Чимин убил его сына, привело военачальника в такое бешенство, что он потерял рассудок и попытался убить Императора.

— Ты думаешь, что всего лишь разбил парочку пустяковых вещей? — сжав челюсти, процедил по слогам Чао Чимин. Он бросил взгляд на разгромленный Императорский кабинет, и уголки его губ изогнулись в зловещей улыбке.

— Ну и отлично, раз ты сам всё понимаешь, — Чао Чимин вспомнил, что Теневой страж все-таки сумел скрутить преступника, и на этот раз не стал подвергать его новому наказанию. — Приказываю тебе привести Императорский кабинет в порядок, как следует всё убрать, а затем стоять здесь на коленях и размышлять о своем поведении.

Чао Чимин скользнул взглядом по слегка подавшимся назад и соблазнительным в позе на коленях ягодицам Лань Сяочуаня, и его лицо невольно приняло несколько неестественное выражение. Прошлой ночью, когда он протрезвел, его рука сама собой потянулась их сжать, и на ощупь они оказались весьма неплохи.

В голове у Лань Сяочуаня тут же пронеслось: Чао Чимин — настоящий трудоголик, он целыми днями напролет заседает в Императорском кабинете, изучая мемориалы, либо вызывает тайных стражей, чтобы узнать о происходящем в разных уголках страны, о текущих налоговых сборах, о том, сколько зерна осталось в государственной казене, как идет подготовка к весенним провинциальным экзаменам и так далее. Этому бесконечному потоку мелких и крупных дел не было конца.

Словно глупая белоснежная собачонка, которую он сам же и приютил. Чао Чимин больше не оборачивался.

Сжав зубы и опустив голову, Лань Сяочуань ответил:

— Подчиненный слушается.

Он страшно боялся, что если поднимет голову, в его глазах промелькнет недовольство. Если бы прошлой ночью Император не запер его на Драконьем ложе, он бы не оказался прикован к месту, а после — и наказан за то, что влез на ложе Императора. Как ни крути, но главным виновником во всей этой истории был явно не он.

Лань Сяочуань лихорадочно соображал: над его головой уже нависла угроза смертной казни, и если он не ответит немедленно, его жизни придет конец. Он поспешно выпрямился на коленях еще немного.

Впрочем, он же Император, и сейчас у него и в мыслях не было брать в жены жен и наложниц. Государственные дела стояли для него куда выше сердечных привязанностей, а подобная чепуха занимала умы лишь простых смертных. Ему, великому монарху, суждено было обессмертить свое имя в веках, и он никому не позволил бы омрачить свою славу личными чувствами.

Как только Чао Чимин развернулся и ушел, Лань Сяочуань тут же поднял голову, свирепо зыркнув вслед Императору, и мысленно принялся его костерить.

— Подчиненный виноват, что побеспокоил Императора, чьи дни заполнены бесконечными государственными делами, — Лань Сяочуань не смел поднять взгляд на Чао Чимина, хотя тот

был невероятно хорош собой — вот только его холодное и суровое лицо внушало неподдельный ужас.

Лань Сяочуань смертельно боялся, что его истинные эмоции выдадут его с головой. Служил-то он самому Императору, а у того слово не расходилось с делом: чуть что — и человеку сносят голову. Смирившись со своей участью, он принялся собирать с пола разлетевшиеся мемориалы.

Его целью было объединить Поднебесную.

Словно почувствовав что-то, Чао Чимин обернулся и столкнулся взглядом с полным негодования и обиды выражением лица Лань Сяочуаня. Судя по всему, тот никак не ожидал, что император вернется, и его чистые глаза мгновенно округлились от изумления, а на лице тут же засияла угодливая улыбка.

Тот самый мемориал, который Чао Чимин разнес в щепки внутренней энергией, распался на восемь частей и валялся на полу. Окинув его взглядом, Император заметил: коррупция чиновников на юге при распределении средств на ликвидацию последствий бедствий... Он покачал головой: в столь тяжелые времена кто-то все еще осмеливался строить козни. Похоже, сегодня снова прольется немало крови. Чао Чимин не терпел и малейшей грязи в глазах, а с подобными сорняками расправлялся раз и навсегда — вырывая с корнем и перепахивая землю дважды, чтобы ничего не осталось.

Лань Сяочуань провозился довольно долго, прежде чем наконец полностью привел Императорский кабинет в порядок. Затем, подчиняясь приказу Чао Чимина, он опустился на колени на то же самое место — перед письменным столом. Он понятия не имел, сколько уже простоял на коленях, но в горле пересохло, а в голове все сильнее шумело. Просто напасть какая-то: спина горела огнем, неужели из-за тех ран у него начался жар?

Ноги Лань Сяочуаня слегка подрагивали, но послушаться приказа Императора он не смел, поэтому лишь раз за разом силой выпрямлял корпус, когда казалось, что он сейчас рухнет.

В полубредовом состоянии Лань Сяочуань расслышал чьи-то шаги. Подняв отяжелевшую голову, он увидел лишь смутный черный силуэт. Он понял, что кто-то вошел, но разобрать лицо не мог: фигура казалась высокой, судя по всему, незнакомец был одет в черное платье и черные сапоги...

Пожинав, Чао Чимин вышел на прогулку и почему-то вдруг вспомнил о маленьком Теневом страже, оставшемся в Императорском кабинете. У этого стража были на редкость чистые, невинные глаза, да и на вид он казался совсем юным.

Ночь выдалась прекрасной, с яркой, лунной погодой, и в памяти внезапно всплыло ощущение от случайного прикосновения к коже Теневого стража прошлой ночью. Он тут же мысленно отогнал эти мысли. Лицо его слегка помрачнело: неужели он дошел до того, что в приступе тоски позарился на собственного Теневого стража?

Вспомнив, как вчера спросонья он без разбирательств приказал стражу отправиться наказывать за провинность, Чао Чимин подумал, что сегодня Теневой страж наверняка страдает от ранений.

Чао Чимин подошел к Лань Сяочуаню, но не успел он и слова сказать, как облаченный в черное Теневой страж бесчувственно рухнул прямо ему в ноги. Если бы императорские сапоги не преградили путь, он наверняка бы разбил себе голову.

Чао Чимин мысленно выругался, глядя на Теневого стража, использовавшего его обувь в качестве подушки.

Он слегка подтолкнул его ногой — ноль реакции. Императору вдруг стало любопытно, как же выглядит этот парень. Сняв с его лица маску, он увидел чистое юное лицо с пухлыми щечками. Брови стража были нахмурены, а сам он выглядел таким невинным и беззащитным, словно младенец.

Поддавшись какому-то непостижимому порыву, Чао Чимин подхватил его на руки и перенес на Драконье ложе. Внимательно вглядываясь в лицо Теневого стража, он отметил, что его кожа была безупречно белой и вовсе не походила на обветренные лица обычных стражей — скорее, она напоминала лицо изнеженного барчука. Сейчас его щеки были забавно надуты, словно он на что-то обиделся, а две алые полоски губ из-за болезни казались яркими и влажными, как распутившаяся на рассвете красная роза.

Кто бы мог подумать, что, стоило этому Теневому стражу закрыть свои лукавые глаза, как он станет таким тихим и спокойным, что это даже пробудит в душе странную нежность. Чао Чимин, изначально планировавший лишь взглянуть на него, а затем приказать выставить за дверь на произвол судьбы, неожиданно передумал.

Он не удержался и коснулся ладонью лица парня, вглядываясь в его глаза. Ресницы у Лань Сяочуаня оказались непростительно длинными — казалось, их густо покрыли тушью, и на белой коже они выглядели словно пара черных бабочек.

С загадочным выражением лица Чао Чимин долго разглядывал Лань Сяочуаня. Ему еще не доводилось встречать столь красивых людей, а тем более — столь красивых и при этом не слишком смысленных Теневых стражей. Подгоняемый любопытством, он распахнул ворот одежды Лань Сяочуаня: кожа под ней оказалась такой же белой и гладкой, как ледяной тофу. В открывшемся взору виде две распутившиеся алые сливы на груди внезапно заставили его почувствовать странный жар.

Он торопливо прикрыл его одеялом, после чего велел главному управляющему Хэ немедленно позвать лекаря.

Главный управляющий Хэ осторожно вошел в покои и обомлел, обнаружив Лань Сяочуаня спящим на Драконьем ложе. Неужели его догадки подтвердились?

Император одарил своей милостью господина Ланя, а тот, судя по всему, потерял сознание от изнеможения?

Хэ Вэйцин тут же распорядился срочно привести лекарей.

Прибывшие лекари приступили к пульсовой диагностике Лань Сяочуаня. Услышав от главного управляющего Хэ слова о том, что Император соизволил возвысить Теневого стража, они так перепугались, что их бороды задержались от ужаса — о малейшем проявлении небрежности не могло быть и речи.

Лишь позже сам Император пояснил им, что Теновой страж получил ранение в спину, так что лекарям пришлось выписать целебные мази. Поднимать глаза на монарха они не смели ни на секунду: лицо Императора выглядело странно, а его непостижимое выражение наводило на мысль, что тот еле сдерживает гнев. Они до смерти боялись оплошать и лишиться голов.

Дурная слава тирана Чао Чимина гремела в каждом уголке Великого Чжао.

— Это мазь для спины молодого господина. Ее следует наносить дважды в день, а до тех пор, пока раны не покроются коркой, избегать попадания воды. А это отвар от простуды, принимать по две порции в день, — лекарь протянул заготовленные снадобья главному управляющему Хэ. Отдавать их напрямую Императору они не решались: лицо того круглый год оставалось мрачным и пугающим, а в глазах неизменно бушевала снежная буря.

— Мазь отдай мне, а свертки с травами отнеси на Императорскую кухню, пусть их варят вовремя каждый день, — низким голосом приказал Чао Чимин.

Лекарь, низко опустив голову, двумя руками передал фарфоровый пузырек Императору и попятился назад, не смея поднять взгляд.

Когда в Зале Юнхэ больше никого не осталось, Чао Чимин с маленьким фарфоровым пузырьком в руках подошел к Драконьему ложу и посмотрел на мирно спящего Теневого стража.

Теновой страж тихо спал на императорской постели; его бледное лицо резко контрастировало с расшитым золотыми нитями одеялом. Откинув край одеяла, Чао Чимин взглянул на его тонкую талию — теперь понятно, почему у него такое слабое телосложение, совершенно не выдерживающее ударов. На белой коже крест-накрест залегали багровые рубцы, и у Чао Чимина невольно сжалось сердце.

Перевернув Лань Сяочуаня лицом вниз, он принялся за дело. Движения Чао Чимина были на редкость аккуратными: он тщательно распределил целебную мазь поверх следов от ударов. Случайно задев чистую, гладкую, словно кусок льда кожу рядом, он на мгновение замер, наслаждаясь приятными ощущениями и не желая отнимать руку.

Кожа этого Теневого стража оказалась куда нежнее, чем у любой женщины, — не удержавшись, мысленно отметил Чао Чимин.

<http://bllate.org/book/21016/2136504>